

руки и деньги нужны здесь, на месте. Настала пора сознать это, особенно теперь, когда пребывание за границей отравлено диким и слепым предубеждением против русских, когда их встречают уже не снисходительным вниманием, а косыми взглядами, насмешливыми улыбками и другими, более или менее неприличными выходками.

Это утешительное сознание в необходимости поддержать свое достоинство перед Европой уже пробудилось и высказывается в нашем обществе тем или другим способом: по газетам видно много возвращающихся в Россию семейств; из Петербурга в мае месяце тянулись в прошлые года огромные поезда за границу: теперь, как слышно, отправляются четыре, пять вагонов, и те неполные.

Самарское дворянство, в собрании своем, сделало официальное воззвание к путешественникам с просьбой воротиться послужить родине.

Наконец, в патриотическом движении московских дам проявилось желание прервать сношение с иностранцами, заплатившими за нашу слепую щедрость слепой клеветой, за долговременное пристрастие внезапной враждой. Все это первоначальные, утешительные симптомы отрезвления от ребяческого пристрастия к авторитету иностранцев, первые сознательные шаги созревшего для самобытной деятельности общества.

Еще бы несколько лет терпения, горячего сознательного труда, каким стремятся к великим целям, еще несколько шагов по пути развития промышленности, земледелия, просвещения, дорог: сложимся окончательно, окрепнем в мыслях, в намерениях, силах, и тогда смело пойдем меняться визитами с иностранцами и приобретать уважение и поклоны — не одних трактирщиков.

И. П.

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-4-191-207

© О. В. Макаревич

ОБ УМЕНИИ ПЛЕСТИ ЛАПТИ, ЛИТЕРАТУРНЫХ ЮЗНИКАХ И СЕКРЕТНОЙ ПЕЧАТИ (РЕЦЕНЗИИ Н. С. ЛЕСКОВА В «НОВОМ ВРЕМЕНИ» КОНЦА 1870-х ГОДОВ)*

Актуальной проблемой современной лесковианы остается отсутствие полного корпуса текстов писателя, а важной задачей — «собрание и публикация не опубликованных ранее произведений (как правило, неоконченных) и атрибутированных вновь найденных в периодике статей Лескова». ¹ Уже вышедшие в свет тома Полного собрания сочинений писателя, куда включены сотни текстов, принадлежность которых Н. С. Лескову установлена впервые, наглядно показывают, насколько значительный объем произведений, посвященных весьма широкому кругу проблем и относящихся к самым разным жанрам, находится за рамками исследовательского внимания. Они имеют не только фактологическую ценность, но и позволяют глубже осмыслить как творческую биографию самого Лескова, так и особенности развития литературы XIX столетия. Трудности, препятствующие атрибуции лесковских текстов, уже неоднократно были озвучены: корреспонденция сохранилась лишь частично, и даже отложившиеся в архивах письма изданы далеко не полностью, нет обстоятельной библиографии² и летописи жизни и творчества и т. п.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01858, <https://rscf.ru/project/22-28-01858/>, ИРЛИ РАН.

¹ *Видуэцкая И. П.* Между двумя юбилеями (итоги изучения творчества Н. С. Лескова за последние 25 лет и задачи, стоящие перед исследователями его творчества в настоящее время) // Н. С. Лесков в пространстве современной филологической мысли (к 175-летию со дня рождения). М., 2010. С. 7.

² Первый указатель был составлен еще при жизни писателя в связи с подготовкой его Собрания сочинений: Библиография сочинений Николая Семеновича Лескова с начала его литературной

Между тем Лесков сотрудничал в самых разных периодических изданиях, писал и для газет, и для журналов — много, часто и иногда даже не без азарта, а потому воспринимать публикации в периодике как второстепенные, проходные и сводить цель автора этих текстов сугубо к необходимости обеспечить достойный уровень заработка было бы весьма ошибочно.³ Напомним мнение А. Н. Лескова: «Случилось однажды Лескову выслушать от Суворина укор в разбрасывании своих заметок по разным газетам, иногда достаточно досадительных другим. Пришлось изъяснять мотивы: „Прожив изрядное количество лет и много перечитав и много переглядев во всех концах России, я порою чувствую себя как «Микула Селянинович», которого «тяготила тяга» знания родной земли, и нет тогда терпения сносить в молчании то, что подчас горюдят пишущие люди, оглядывающие Русь <...> «легком летя», из вагона экстренного поезда. Все у них мимолетом — и наблюдения, и опыты, и заметки... <...> но опыт и знание все-таки своей цены стоят да и покоя не дают“». ⁴ Одной из газет, на страницах которой появилось немало сочинений Лескова, было «Новое время», редактировавшееся адресатом процитированного письма А. С. Сувориным.⁵ Как показала О. Е. Майорова, сотрудничество писателя в этом издании, вполне вероятно, началось со сменой редактора в 1876 году.⁶ В то же время отношения Лескова как с самим Сувориным, так и с редакцией издания были сложными и противоречивыми. Их можно назвать отношениями одновременного притяжения и отталкивания — полагая Суворина «опытным журналистом», Лесков в то же время не мог ни принять некоторых из его решений (особенно касающихся отклонения ряда статей на религиозную тематику), ни простить позиции редакции, позволявшей себе «нападки» на него: «Я знаю, что у редакций есть свои причины унижать друг друга, но зачем же вмешивать в это лицо стороннее, обращающееся в газету с случайною статейкою... Конечно, если бы я сказал что-либо неосновательное или нечестное — зачем щадить меня, но гнаться за мною по пятам, на каждом шагу — какая в этом надобность? При том же я так недавно и так немало работал у Вас и то, что я делал в „Новом времени“, не было ни образцом глупости, ни образцом бездарности. И вот те же люди, которые читали у Вас мои строки б. может не без внимания, нынче читают эти угонки за мною и спрашивают: „Что у вас с Сувориным?“ Мне это противно, и я очень рад, что по-видимому — это и Вам противно. Мне это утешает».⁷

деятельности — 1860 г. по 1887 г. (включительно) / Сост. П. В. Быков. СПб., 1889; частично дополнен: *Шестериков С. П.* К библиографии сочинений Н. С. Лескова // Известия Отделения русского языка и словесности АН СССР 1925 года. Л., 1926. Т. 30. С. 268–306. Наиболее полный на сегодняшний день указатель произведений Лескова см.: *Muller De Morogues I. L'œuvre journalistique et littéraire de N. S. Leskov: Bibliographie.* Bern; Frankfurt a/M.; New York, 1984.

³ Ср.: «Главное затруднение объясняется тем, что с самого начала своей писательской карьеры Лесков не придавал особого значения множеству своих бесподписных газетных статей. <...> На вопрос Быкова, почему он отдает едва ли не половину времени таким пустякам, Лесков ответил: „От житейской мудрости... Попишу с недельку в одной и другой газете — смотришь, квартира и оплачена. Еще недельку займешься мелочами — оплачен и стол. А удвоишь старание — успеешь и в запасный капитал отложить кое-что“» (*Эджертон В.* Затерянные статьи Лескова // Лит. наследство. 2000. Т. 101. Неизданный Лесков: В 2 кн. Кн. 2. С. 114).

⁴ *Лесков А. Н.* Жизнь Николая Лескова по его личным, семейным и несемейным записям и памятям: В 2 т. М., 1984. Т. 1. С. 194.

⁵ Литература о «Новом времени» и Суворине как его издатель и редакторе весьма обширна. В частности, см.: *Глинский Б. Б.* «Новое время» (1876–1916 гг.). Исторический очерк. Пг., 1916; *Соловьева И., Шитова В. А.* С. Суворин. Портрет на фоне газеты // Вопросы литературы. 1977. № 2. С. 162–189; *Динерштейн Е. А.* 1) А. С. Суворин и его газета «Новое время» // Новое литературное обозрение. 1995. № 15. С. 183–193; 2) Публицист «крайних убеждений». Путь А. С. Суворина к «Новому времени» // Лица: Биографический альманах. 1995. № 6. С. 238–274; *Азарина Л. Е.* Литературная позиция А. С. Суворина. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008, и др.

⁶ См. подробнее: Лесков в суворинском «Новом времени» (1876–1880) / Вступ. статья, публ. и комм. О. Е. Майоровой // Лит. наследство. Т. 101. Кн. 2. С. 161–165. А. Н. Лесков относит начало сотрудничества к 1877–1878 годам: *Лесков А. Н.* Жизнь Николая Лескова... Т. 1. С. 94.

⁷ *Marcadé J.-C.* 63 письма Н. С. Лескова // *Revue des Études Slaves.* 1986. Vol. 58. Fasc. 3. P. 438. Об отношениях Лескова и Суворина подробнее см.: *Майорова О. Е.* К истории жизнен-

Итак, согласно существующим указателям, первый однозначно принадлежащий Лескову текст на страницах «Нового времени» — заметка «Великосветский раскол (Письмо в редакцию)» — относится к 1877 году (2 марта. № 362). Не зафиксировано ни одной статьи, помещенной писателем в этой газете в 1878 году, однако уже в следующем, 1879-м, их больше десяти. Характеризуя тематику статей, помещенных Лесковым в «Новом времени», О. Е. Майорова отметила преобладание материалов, посвященных вопросам религиозной жизни общества и церковного быта, причем особенно — «религиозной розни» редстокизма и пашковства, проблемам брака и развода, а также преподаванию закона Божия в «народных» школах. На рубеже 1870–1880-х годов писатель, по словам исследовательницы, стал «летописцем „религиозного брожения“». ⁸ Однако практически за рамками ее внимания остался вопрос о сотрудничестве Лескова в «Новом времени» как рецензента. Сплошной просмотр номеров газеты в этот период позволяет поставить вопрос о принадлежности писателю ряда отзывов и рецензий на книги. ⁹ Оговоримся, что ни в одном из приведенных ниже случаев мы не можем говорить с абсолютной уверенностью об однозначной атрибуции интересующих нас текстов, прежде всего из-за отсутствия прямых документальных свидетельств. Наши разыскания позволяют скорее поставить вопрос об отнесении выделенных нами текстов к разделу Dubia, а потому мы посчитали необходимым поместить их в Приложении к статье, чтобы предоставить читателям возможность самостоятельно оценить обоснованность высказанных гипотез и предположений об авторстве Лескова.

Заметим, что рубрики «Новые книги» и «Библиография» в «Новом времени» соответствовали общей стилистике «композиционной неожиданности» (как характеризовали современники внешний вид и манеру подачи материала в газете). Иногда они сохраняли тематическую связь с актуальной общественной повесткой: к примеру, после ошибочного диагностирования С. П. Боткиным чумы у петербургского дворника Наума Прокофьева в разделе появилась рецензия на книгу «Что такое чума, чем спастись от нее и от других повальных болезней. Наставление народное и общедоступное П. Илинского» (1879. 6 (18) февр. № 1057. С. 2). Нередко заметки под этой рубрикой можно воспринимать как хрестоматийный образец скрытой рекламы — и такие случаи ярко демонстрируют общее несовпадение взглядов Лескова и Суворина. В качестве примера приведем рецензию на сочинения Л. М. Олкотт о девочке Розе. Напечатанная в типографии Суворина книга на страницах «Нового времени» была не просто высоко оценена, но рекомендовалась как издание весьма высокого качества. Более того, выход рецензии был приурочен к пасхальным праздникам — очевидно, чтобы увеличить спрос (заметка опубликована в воскресном номере за неделю до Пасхи, пришедшейся в 1878 году на 16 апреля): «К празднику появляется обыкновенно много книжек, рекомендуемых нежным родителям для подарков детям. Между этими книжками, как известно, довольно дребедени, вызываемой исключительно спекуляторскими расчетами книгопродавцев-издателей. Но бывают, однако же, и счастливые исключения, достойные внимания родителей и полезные для детей. К числу таких счастливых исключений можно отнести книжку „Юность Розы“, повесть известной английской писательницы мисс Олкотт<t>, прекрасно переведенную г-жою Бутеновой. Книга эта представляет столько же поучительное, сколько занимательное чтение для юных читателей, и нельзя не пожелать ей успеха среди детской публики». ¹⁰ Двумя годами ранее на заседании особого отдела ученого комитета Министерства народного просвещения

ного диалога (Из переписки Н. С. Лескова с А. С. Сувориным) // Новое литературное обозрение. 1993. № 4. С. 78–101.

⁸ Лесков в суворинском «Новом времени». С. 179.

⁹ Тот факт, что Лесков мог выступать в роли не только автора рецензий, но и своего рода посредника между особым отделом Ученого комитета и редакцией «Нового времени», подтверждается и перепиской с Сувориным. Так, в письме, датированном мартом–апрелем 1880 года, Лесков обещал «добыть статью» о книге В. М. Флоринского «в будущ<ий> вторник», т. е. на следующем заседании отдела. См. подробнее: Майорова О. Е. К истории пожизненного диалога. С. 93–94.

¹⁰ Новое время. 1878. 9 (21) апр. № 759. С. 3 («Библиография»).

Лесковым был сделан доклад, посвященный первой части этой книги «Семь братьев и сестра» (пер. с англ. Е. Бутеновой, под ред. М. Цебриковой. СПб., 1876), в которой рассказывалось о детстве героини. Прежде всего было указано, что «повесть принадлежит к разряду новых произведений английских писателей, склоняющихся более к реальному и <от>части к демократическому направлению, что здесь и проведено, впрочем в весьма мягких формах». Изложив ее содержание, Лесков указал и на ряд удачных сюжетных поворотов, подающих «небесполезный пример доброй решимости» или рисующих «поразительную и мрачную черту современных нравов, которая, к прискорбию, выражается едва ли не повсеместно в Европе в самых молодых юношах, черта эта — страсть к наживе». Однако общее мнение оказалось отрицательным: «О художественной стороне этой повести говорить нечего: в ней нет и претензии на художественность, а неискренность переводчицы сделала повесть Олькот<т> в русском переводе прямо неудовлетворительной в этом отношении»¹¹ — как следствие, книга не была одобрена ученым комитетом. «Счастлирое исключение», с точки зрения Лескова, качественно не отличалось от «дребедени, вызываемой исключительно спекуляторами расчетами книгопродавцев-издателей».

Совершенно иной по стилю и по манере оценивания представляется рецензия на вторую часть «Книги для первоначального чтения» В. И. Водовозова, помещенная в разделе «Литературная летопись» в № 673 от 12 (24) января 1878 года (см. Приложение 1). Первая часть этой книги, появившаяся еще в 1871 году, к 1878-му выдержала уже 11 изданий, а к концу XIX столетия это количество достигнет 20-ти. Именно указанием на авторитет Водовозова — известного педагога и переводчика, составителя многочисленных пособий для школы — и его верность педагогической стезе открывается анонимная рецензия «Нового времени»: «Когда в одном из собраний Комитета грамотности была присуждена г. Водовозову золотая медаль, он, глубоко тронутый, обещал посвятить всю жизнь народной школе — и сдержал слово».

Композиционно рецензия явно делится на две части: если первая воспринимается не только как хвалебная, но даже как панегирическая («плод многих лет, усидчивого труда, кропотливой работы», «поразительное разнообразие», «чрезвычайно приятное впечатление»), то вторая опровергает эти кажущиеся несомненными достоинства: разнообразие оборачивается бессистемностью и сложностью для восприятия, труд одного автора приводит к стилистической бедности, а саму книгу оказывается предпочтительным заменить несколькими учебниками, предлагающими базовые знания по конкретным предметам.

Названные черты позволяют сопоставить оставшуюся неподписанной рецензию «Нового времени» с докладом Лескова, сделанным на заседании особого отдела ученого комитета Министерства народного просвещения несколько позднее — 21 марта того же 1878 года — и посвященным одиннадцатому изданию первой части «Книги для чтения».¹² Этот доклад также открывается указанием на многочисленные награды, полученные Водовозовым за составление как первой части «Книги для первоначального чтения», так и сопутствующего ей, одновременно изданного методического посо-

¹¹ Доклад Лескова, прочитанный на заседании особого отдела Ученого комитета 28 сентября 1876 года, см.: РГИА. Ф. 734. Оп. 3. № 31. Л. 307 об. — 312 об. О работе писателя в Министерстве народного просвещения см.: Чуднова Л. Г. Н. С. Лесков в Министерстве народного просвещения // Лесков Н. С. Полн. собр. соч.: В 30 т. М., 2016. Т. 13. С. 534–565; см. также: Рейсер С. А. Н. С. Лесков и народная книга // Русская литература. 1990. № 1. С. 181–194.

¹² Далее доклад Лескова цитируется по авторизованной копии, сохранившейся в журналах заседаний особого отдела ученого комитета Министерства народного просвещения: РГИА. Ф. 734. Оп. 3. № 35. Л. 146–156. Заметим также, что практика написания рецензий и обзоров на материале докладов, сделанных для особого отдела ученого комитета, была для Лескова привычной. Так, по материалам докладов о сочинениях А. Ф. Погоского (21 июня и 2 августа 1876 года) опубликована заметка «Дикие фантазии (Современные заметки)» (Православное обозрение. 1877. Ноябрь. С. 516–525), по материалам доклада о «простонародной газете» М. М. Дмитриева «Народный листок» (20 января 1876 года) — очерк «Энергическая бестактность» (Там же. 1876. Май. С. 128–149), по материалам доклада о журнале «Детский сад» (28 января 1875 года) — статья «Педагогическое юродство» (Там же. Июль. С. 509–524), и др.

бия «Книга для учителей» (СПб., 1871): «Первое же издание „Книги для чтения“ г. Водовозова (как значится на обертке) одобрено Ученым комитетом Министерства народного просвещения и Учебным комитетом при Св. Синоде для употребления в начальных школах и удостоено Педагогическим обществом *премии*, Волнь<ым> экономическим обществом *золотой медали* и Министерством государственных имуществ *тоже золотой медали*». Далее Лесков приводит сведения об одобрении особым отделом ученого комитета для народных школ предшествующих десяти изданий (ему удалось обнаружить, впрочем, только доклады о трех изданиях, причем особое внимание он уделит самому раннему докладу о первом издании 1871 года), а затем, как и в опубликованной на страницах «Нового времени» рецензии, высказывает ряд критических замечаний.

По-видимому, не только этические, но и конъюнктурные соображения не позволили Лескову прямо сформулировать свою позицию в докладе для особого отдела ученого комитета. Кратко оговорив, что его взгляд на книгу совершенно иной, вместо собственных рассуждений он подробно перечисляет факты, свидетельствующие о популярности и одобрении издания авторитетными в сфере «народной» педагогики организациями: «Имея поручение просмотреть экземпляр *одинадцатого* издания этой книги, уже многократно одобренной и увенчанной премиями и медалями, я не считал нужным входить в общую критику всего заключающегося в ней литературного материала и не стану излагать моих мнений о его достоинстве, и особенно о его группировке, которая местами мне кажется довольно странною и необъяснимою. Общие достоинства книги г. Водовозова уже оценены не один раз и признаны не только нашим Комитетом, но и Учебным комитетом Св. Синода, Педагогическим обществом и Комитетом грамотности Импер<аторского> волнь<ого> экономич<еского> общества и Ученым комитетом Министерства государственных имуществ». Большая часть доклада Лескова представляет собой перечень из 40 «заметок», носящих частный характер, но требующих внесения в «Книгу для чтения» изменений и дополнений. Отметим, что особое внимание в печатном отзыве и докладе рецензент уделяет этнографической проблематике: несмотря на значительный личный опыт автора «Книги для первоначального чтения» как путешественника, художественное изложение и представление этого опыта в книге оценивается как неудачное. Так, в «Новом времени» говорится о включении в книгу «этнографических статей»: «Автор сам объездил некоторые местности России и довольно живо описал свои впечатления», однако будучи «искусным популяризатором», тем не менее не смог воплотить свои впечатления в художественной, увлекательной для читателя форме (см. упоминания о бессмысленных «номенклатурных» статьях или курьезных иллюстрациях). Об этнографических материалах идет речь и в лесковском докладе в ученом комитете: например, «на 207 <странице> в рассказе о почве и нравах много неточности и вообще независимость личности человека излишне умален<a> перед значением местности. <...> Мысль у автора очевидно была довольно верная, но он очень неискусно с нею распорядился и довел ее до абсурда»; «под № 19 в одной из пословиц „мизгирь“ объяснен словом *паук*, но это неточно: простой паук никогда не называется „мизгирем“ ни в живой речи, ни в науке. Мизгирь — это *земляной паук*, — *aranea tarantula*»; «На 39 стр. о корове говорится, что у коровы „не одно, а два копыта“, и „хвост висит как бечевка“. Ни в Библии, ни в учебниках зоологии, которые мне доводилось видеть, нигде не говорится, что на коровьей ноге „два копыта“. У нее *одно* копыто, но *раздвоенное*. В живой речи тоже не считают у коровы 8 копыт, а на каждой ноге считают одно „копыто двоено“...», и др. Итогом рассуждений о допущенных Водовозовым неточностях становится схожий вывод: в рецензии «Нового времени» утверждается, что «этнография должна выдвинуться в своих специалистах, история — в очерках своего мастера и т. д.; — тогда только книга для чтения приобретет живой интерес»; в отзыве особого отдела ученого комитета Лесков предлагает изменить порядок рецензирования следующего издания «Книги для первоначального чтения»: «Новое 12-е издание (если оно будет) рассмотреть при содействии специалиста по естествоведению, о котором я имею только дилетантские понятия, но и при них чувствую в книге некоторые ошибки».

Общим для рецензии «Нового времени» и отзыва особого отдела ученого комитета является акцент на стилистическом несовершенстве книг. В газетном тексте как недостаток упоминается тот факт, что вся книга написана одним автором: «Перелagать вся и все, это значит — обезличить вся и все, окрасить в один цвет, отлить в одну форму — отсюда скука, а в голове — хаос». Мелкие ошибки в подборе лексики приводятся и в докладе Лескова: к примеру, «на <странице> 192 весьма несовершенное стихотворение, в коем между прочим сказано, будто „легкие салазки со скрипом по снегу летят“. Что легко, как салазки, то не скрипит. Салазки на лету иногда *стучат*, но никогда *не скрипят*»; «Желая сказать, что великорус „человек *торговый*“, он говорит „*купеческий*“»; «Неясность выражений в книге порою доходит до того, что здесь же читаем: „Иные птицы обливают себя дождем, махая крыльями по воде“. Это явление вместо простых слов „птицы полещутся или брызжятся“»; отмечает Лесков и неудачный выбор передачи стихотворных текстов без соблюдения вертикальной организации текста, и многое другое.

Наконец, пуантом печатной рецензии становится сопоставление с немецкими «книгами для чтения», которое и объясняет отрицательную оценку предлагаемого издания. В докладе для особого отдела об этом не говорится, как кажется, прежде всего потому, что речь идет о разных изданиях, адресованных учащимся с разным уровнем подготовки. В то же время вопроса о том, что «книга для чтения», адресованная школьнику, не должна строиться по принципу энциклопедической всеохватности и не должна быть написана одним человеком, Лесков неоднократно касался и в целом негативно относился к подобному педагогическому опыту. Так, в отзыве от 12 октября 1876 года на изданную в том же году книгу Деркачева «Школьные ступени. Русская азбука и книга для чтения в начальной школе» он как раз упрекал автора аналогичной «книги для чтения» в недостатке простоты и чрезвычайной усложненности материала, так же как и в рецензии, ссылаясь на опыт учителя, а не ученика: «Метода его, может быть, имеющая свои теоретические достоинства, довольно ложна и едва ли представляет достаточные ручательства, что сами учителя могут ее верно усвоить...».¹³ О схожих недостатках — бессистемности, стилистической невыдержанности и неудовлетворительности содержания — говорил Лесков и применительно к крайне бездарной «Золотой грамоте» Ф. В. Ливанова (М., 1875), ср.: «Едва ли удобная для чтения народного, она совсем неудобна для школ: 1) по своей бессистемности и недостатку педагогического спокойствия и скромности, столь необходимых в воспитательной книге; 2) по неполноте и несовершенству сообщаемых ею сведений, и 3) по ее образцовому безграмотству, бросающемуся в глаза почти на каждой странице».¹⁴ Можно найти параллели в других докладах Лескова, прочитанных на заседаниях особого отдела ученого комитета, и к размышлениям о недостаточной подготовке учителей в начальных школах, что не позволяет рассчитывать на их педагогическую самостоятельность, и о бедности народной школы. В качестве лейтмотивных элементов в оценке книг для «народного чтения», которые свойственны Лескову, отметим и такие затронутые в рецензии аспекты, как внимание к внешнему оформлению, высокие требования к языку, стилю и одновременно точности изложения, сопоставление с европейским опытом издания книг «для народа», придирчивая оценка включенных в книгу изображений, тезис о том, что «народная» школа должна не столько дать знания, сколько подготовить ученика к дальнейшему самообразованию и т. п.

Все вышесказанное, как кажется, позволяет допустить предположение о том, что автором рецензии на вторую часть «Книги для первоначального чтения» Водовозова был Лесков. Пожалуй, главное, что бросается в глаза — это общий вектор рассуждений. Да, необходимо, чтобы книги «для народа» были качественно подготовлены, удовлетворительны в художественном отношении, идеологически корректны, содержательно выверены и т. д. Но этого мало — ключевым при оценке издания для Лес-

¹³ РГИА. Ф. 734. Оп. 3. № 31. Л. 326 об. — 332 об.

¹⁴ Доклад прочитан на заседании особого отдела Ученого комитета 23 сентября 1875 года; цит. по: Лесков Н. С. Полн. собр. соч. Т. 14. С. 311.

кова являлся вопрос о том, какой цели отвечает данная книга? Какую практическую пользу она может принести школе? Что ей дать? Авторские размышления об этом, побудившие отрицательно оценить издание Водовозова, позволяют поставить вопрос об атрибуции еще одного текста — напечатанной на первой полосе «Нового времени» заметки «Книжки для народа» (1879. 5 (17) авг. № 1233; см. Приложение 2). Здесь автор говорит о нескольких изданиях и оценивает их под тем же углом — «пригодности» и пользы «для народа». Прежде всего, обращает на себя внимание ее проблемно-тематическое сходство с помещенным в том же номере, на с. 2–3, фельетоном «Запретная печать»: ¹⁵ в обоих упоминается «секретная печать», причем ей дается негативная оценка в силу не столько ее опасности, сколько «глупости». Если в заметке «Книжки для народа» как главный недостаток подобных текстов названо «чересчур прямолинейное направление», то в «Запретной печати» автор более категоричен: он не только характеризует «неподчиненные» издания как «пустые, глупые, вредные», но приводит их как пример «быстрого, но повсеместного распространения невежества и безграмотности в русской литературе», отсылая читателя к известной статье А. А. Григорьева (большая часть статьи Лескова, напомним, посвящена «Вестнику правды», издающемуся «истинным Мессией», пришедшим «от земли северския, из дома юзников», А. Пушкиным «из Перми» и «первенцем Сиона» А. Коробовым).

Принадлежность заметки «Книжки для народа» Лескову подтверждает и ряд указанных в ней фактов. Так, перевод книжки «О народном хозяйстве» был сделан М. Н. Вернадской, первой женой И. В. Вернадского, сыгравшего немалую роль в становлении писателя. Лесков жил в одной из комнат его квартиры на Моховой, 28 после приезда в Петербург в 1861 году. И именно благодаря ему сложился круг знакомств писателя, получившего возможность и побывать на заседаниях Вольного экономического общества, и принять участие в деятельности комитета грамотности «для распространения знаний в сельском населении», связанной с организацией воскресных школ и изданием «книг для народа». ¹⁶ Вполне соответствует лесковскому «духу» и упоминание книжки Ж.-Б. Боссюэ (см. подробнее ниже, прим. 3 к Приложению 2).

Учитывая тот факт, что в течение какого-то периода Лесков сотрудничал в «Новом времени» на условиях помесечной оплаты, как кажется, можно поставить вопрос и о его участии в составлении рецензий на другие издания «для народного чтения». В частности, обращают на себя внимание помещенные в разделе «Новые книги» рецензии на «Новую русскую энциклопедию» А. Ф. Жолкевича (1878. 7 (19) марта. № 726. С. 3), на «Систематический обзор русской народно-учебной литературы», составленный по поручению Комитета грамотности (1878. 5 (17) мая. № 783. С. 4), на четвертый номер журнала «Сельская беседа» (1878. 12 (24) окт. № 942). К сожалению, нам неизвестны иные материалы Лескова, посвященные этим изданиям, поэтому невозможно сейчас представить хотя бы косвенные доказательства его участия в составлении названных рецензий. С определенной долей уверенности мы можем включать в этот список рецензию на «Энциклопедию ума или словарь избранных мыслей авторов всех народов и всех веков» Н. Макарова (1878. 10 (22) дек. № 1001; см. Приложение 3). Текст рецензии, кратко знакомящей читателей с вышедшим изданием, не представляет особых возможностей для тех или иных сопоставлений с взглядами и идеями Лескова. Однако стоит указать на тот факт, что экземпляр брошюры, еще и «без вымарок цензора», был подарен автором Лескову и сохранился в его мемориальной библиотеке в Орле. ¹⁷

¹⁵ «Запретная печать» опубликована без подписи, указаны только место и дата написания — «Карлсбад, 25-го июля 1879 г.», однако включена в указатели как несомненно принадлежащая Лескову (см.: *Muller De Morogues I. L'œuvre journalistique et littéraire de N. S. Leskov. P. 27 (№ 223)*).

¹⁶ Подробнее см.: *Чуднова Л. Г.* Лесков в Петербурге. Л., 1975. С. 22–24; *Лесков А. Н.* Жизнь Николая Лескова... Т. 1. С. 196–201.

¹⁷ Орловский объединенный государственный литературный музей И. С. Тургенева. 610/128 оф. РК. Ф. 2. Оп. 2.223. См. также: *Афонин Л. Н.* Книги из библиотеки Лескова в государственном музее И. С. Тургенева // Лит. наследство. 1977. Т. 87. Из истории русской литературы и общественной мысли 1860–1890 гг. С. 145.

Дарственный инскрипт датирован 28 ноября 1878 года, поэтому вполне естественным кажется предположить, что писатель мог «отблагодарить» автора рецензией (вспомним о «рекламных» задачах раздела «Новые книги»). В издании немало помет, подчеркиваний и отметок на полях, и приведенные в рецензии «Нового времени» цитаты также Лесковым выделены красным и графитным карандашами — однако не только они.¹⁸

Нам хотелось бы отметить еще две рецензии, помещенные под рубрикой «Новые книги», которые также могут принадлежать Лескову, хотя и по иным причинам. В обеих речь идет об изданиях, очень разных, но так или иначе касающихся первых веков христианства. Как правило, рецензии на сочинения этой тематики на страницах «Нового времени» принадлежали В. И. Модестову. Ученому также был свойственен взгляд на исследования эпохи раннего христианства как на свидетельство интереса современного общества к нравственным проблемам (так, обзор исследований, посвященных раннехристианской литературе, был им красноречиво озаглавлен «Искание новых нравственных опор» — см.: Новое время. 1880. 22 янв. (3 февр.). № 1389). Однако рецензии Модестова обычно подписаны или его фамилией, или инициалами В. М.

Первая из рецензий — это весьма короткая заметка о выходе романа Г. Эберса «Номо сум», помещенная на страницах «Нового времени» в № 689 от 28 января (9 февраля) 1878 года (см. Приложение 4). О внимании Лескова к творчеству немецкого египтолога в лесковiane говорилось неоднократно. Сам писатель указывал на его романы как на один из источников своих сочинений: «...у них (немцев. — О. М.) есть такой писатель, как Эберс, которым я сам пользуюсь, ибо Египта не видал и знаю его по Житиям да по Масперо и по Эберсу».¹⁹ При этом Лесков шел тем же путем в выборе сюжетов для своих произведений, что и отмечен в рецензии («...основан на действительном факте, отысканном Эберсом в одном сочинении из первых времен христианства»; сюжеты «византийских» легенд почерпнуты Лесковым большей частью из Пролога). В то же время романы Эберса «Дочь египетского царя», «Уарда», «Номо сум» рассматривались в лесковiane как один из источников «проложных» легенд неоднократно, в том числе и с опорой на отложившиеся в архивах черновые материалы, содержащие многочисленные выписки из сочинений немецкого ученого.²⁰ Однако, как кажется, исследователи невольно попали в своеобразную ловушку, отталкиваясь от записных книжек, в которых романы Эберса «раздерганы на цитаты» и использованы для создания соответствующего колорита, «обстановочности», по выражению самого Лескова. А потому лейтмотивным стало сравнение самого разного рода описаний — внешности людей, местности, городов, эпох — в «византийских» легендах и в немецких романах. Опубликованная в «Новом времени» рецензия задает иной ракурс сопоставления романа «Номо сум» прежде всего с легендой «Скоморох Памфалон». Его можно обозначить как «идеологический» или «проблемный». В центре внимания газетного отзыва — вопрос о преодолении низменной человеческой природы

¹⁸ Отметим, что выделенные Лесковым в книге цитаты посвящены по большей части противоречивости и «греховности» женской природы, особенно женскому коварству, а также отношениям мужчины и женщины. Например: «Красивые женщины часто походят на большие города, которыми легко овладеть, но которые трудно сохранить»; «Женщина всегда сама бывает виною тому, что мужчина осмеливается высказывать ей свои чувства. Привлекает к себе не самая хорошенькая, а самая ветреная»; «Не ставьте женщину между ее долгом и нарядом»; «Золото пробуют огнем, женщину золотом, а мужчину женщиной»; «Супружество есть рабство мужчины и отпущение на волю женщины»; «Лесть губит женщин более, чем любовь»; «Честные женщины беспрестанно бывают обуреваемы двумя несогласимыми страстями: желанием нравиться и страхом бесчестия»; «У многих женщин честность есть не иное что, как леность, или недостаток темперамента», и др.

¹⁹ Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11 т. М., 1958. Т. 11. С. 398 (письмо В. А. Гольцеву 14 ноября 1888 года).

²⁰ См., к примеру: *Минева И. Н.* Древнерусский Пролог в творчестве Н. С. Лескова. Дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2003; *Буткевич А. А.* Слово и изображение в творчестве Н. С. Лескова: поэтика «обстановочной» повести. Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2017; *Макаревич О. В.* Ритмы и вариации: еще раз о поэтике «византийских легенд» Н. С. Лескова // *Русская литература.* 2022. № 4. С. 153–162, и др.

отшельником, который становится ключевым в позднейшей легенде и задается уже в эпитафии к ней: «Слабость велика, сила ничтожна» — и воплощается в судьбе скормороха, считающего себя не способным преодолеть человеческие слабости и привязанности, но именно этим и сильного. Совпадает и время действия — это IV век, эпоха императора Феодосия Великого. Наконец, краткое изложение судьбы Павла, главного героя романа Эберса, прочитывается как программное описание образа Ермия в лесковской легенде. Оба они отшельники, которые «подвергают себя всевозможным лишениям»: Павел живет в пещере, Ермий удаляется в пустыню; оба принимают христианство; оба стремятся к подлинному «христианскому смирению». Оба они не выдерживают испытания отшельничеством: Павел пострадал из-за женщины, Ермий не смог преодолеть гордыни. И о каждом герое можно сказать: в финале они осознают, что «в нем человек не умер» (ср.: «человек должен служить человеку»²¹), и это осознание становится кульминацией их духовного пути. Схож с лесковской оценкой романов Эберса и вывод рецензента «Нового времени»: недостаток действия в романе, акцент на психологии и переживаниях героев лишает его занимательности. Имея в виду ту же самую опасность, Лесков перерабатывал выбранные им проложные сюжеты, добиваясь картинности и выразительности повествования, дополняя внутренние переживания персонажей неожиданными поворотами сюжета и драматизируя их поступки.

Как кажется, перечисленные сопоставления позволяют предположить, что отзыв на роман Г. Эберса был написан Лесковым. Даже если это не так, подобную интерпретацию романа неизвестным современником писателя стоит учитывать при рассмотрении творческой истории «проложных» легенд.

Схожей по манере оценивания и анализа представляется помещенная также под рубрикой «Новые книги» рецензия на другое издание, которое посвящено истории раннего христианства, — сочинение Г. Буасье «Римская религия от Августа до Антонинов» (1878. 8 (20) мая. № 786. С. 3; см. Приложение 5). Характер изложения материала указывает на то, что рецензия подготовлена человеком, не изучавшим профессионально этот период: подтверждает эту гипотезу не только завершающий пассаж рецензии («она легко читается и не специалистами»), но и ряд мелких деталей, в частности приведение общеизвестных фактов (например, указание на дату смерти Марка Аврелия), отсутствие сопоставления с предшествующими трудами (последнее свойственно рецензиям Модестова) и т. п.

Имя Буасье и его сочинения, посвященные первым векам христианства, в связи с Лесковым также упоминались неоднократно. Высоко оценены его работы в переписке.²² Как и в случае с Эберсом, цитаты из Буасье присутствуют в записных книжках, в которых сохранились подготовительные материалы к «византийским» легендам, в частности к «Сказанию о Федоре-христианине и о друге его Абраме-жидовине». Показательно, что и цензурная судьба этого рассказа на страницах записной книжки осмыслилась писателем через факты из жизни римского общества, приведенные Буасье: «ФЕДОР ХР. И АБРАМ ЖИД. запрещен цензурою за „младопитателя“, который разъединяет христианских учеников и не позволяет „еллинам“ учить их в своих школах. — цензура обнаружила этим свое удивительное невежество в истории, т. к. эта мера, которая тут описана, была установлена в IV в. императором Юлианом Отступником и вызвала против него *негодование христиан*, и прот. этого свят. Григорий Назианзин возражал имп. Юлиану: „Разве ты единственный эллин“. <...> Юлиан в насмешку „гнал христиан в церкви, где толкуют Матвея да Луку“ (Юлиан, Epist. 42). Церковь в IV в. стояла за *образование* и „никто, делаясь христианином, не отказывался изучать языческих философов и поэтов и *восхищаться* ими. Они были общим достоянием“, и св. Григорий стоял за это. (См. «Падение язычества» Буасье. Москва

²¹ Лесков Н. С. Собр. соч. Т. 8. С. 229.

²² См.: Лесков Н. С. Переписка с Т. Л. Толстой / Предисловие К. П. Богаевской и С. А. Розановой; подг. текста О. А. Голиненко и Б. М. Шумовой; комм. К. П. Богаевской и С. П. Шестерикова // Лит. наследство. Т. 101. Кн. 2. С. 383–384.

1892 г. Стр. 87 «Из всех мер, направленных против христианства, эта была всех искуснее обдумана, но она дала Юлиану врагов в обоих культурах» стр. 88 гл. V) и — прибавлю от себя — поддержку со стороны русских цензоров времен Победоносцева и Феокистова».²³ Лесков здесь не только напоминает о необходимости для каждого образованного человека изучать и знать античную философию (напомним, сам он об этом говорил неоднократно, ссылаясь на нее в беседах, а бюст Сенеки стоял в его кабинете²⁴), но и говорит о тесной связи между учениями различных философских школ и становлением христианства. Ее же подчеркивает и анонимный рецензент «Нового времени». Ключевой идеей в газетной рецензии становится тезис о том, что не принятие христианства изменило римское общество, но напротив, христианство оказалось для него естественным этапом развития после пережитого нравственного кризиса, иными словами — христианство становится способом разрешения «мучивших» общество «религиозных вопросов». Как кажется, подобный вектор рассуждений о христианстве, опирающемся на богатейшую предшествующую традицию, как «лекарстве» для современного общества и как основе нравственности, был весьма характерен со второй половины 1870-х годов и для Лескова. При этом значимым для писателя представлялось противопоставление «мертвой» веры, усвоенной от предков по инерции, и искреннего, личного отношения к христианству. Приведем фрагмент из воспоминаний А. И. Фаресова: «Беда в том, что человек верит потому, что так верили его мать, тетка и братья <...> Эволюция выработала такие правила, которыми одни поступки запрещаются как безнравственные, а другие поощряются как нравственные, — скажете вы... А я отвечу, что меня еще не коснулась эта „эволюция“ и я не признаю ее. А вот другое дело, если я буду говорить, что Бог запрещает мне делать дурное, вложив в меня совесть, через которую я распознаю добро и зло. Тогда этот Бог и будет моей нравственностью и той вечностью, к переходу в которую хотелось бы подготовить себя более добродетельно жизнью».²⁵ Как кажется, высказанную Лесковым мысль и напечатанную рецензию объединяет представление о том, что эволюционного развития недостаточно, и только приход христианства позволил дать ответы на неразрешимые до того вопросы. Различается лишь масштаб: в первом случае речь идет о личном решении человека, а во втором — о судьбе всего общества.

Можно указать и еще на два факта, которые весьма косвенно, но могут подтверждать возможное авторство Лескова. Первый — это упоминание Сенеки, который фигурирует в художественных произведениях и переписке Лескова многократно.²⁶ Второй — цитата из Пруденция, отсылающая к написанному двумя годами позднее рассказу Лескова «Христос в гостях у мужика». Впрочем, весьма характерно для писателя и внимание (пусть мимолетное) к таким темам, как благотворительность, устройство «питательных учреждений» и организация различных гражданских ассоциаций, «положение женщины в Риме». Однако это была та «актуальная повестка» времени, обращаться к которой мог любой из современников Лескова.

Тексты рецензий, атрибутируемых Лескову, публикуются ниже по соответствующим номерам газеты (1878. № 673, 689, 786, 1001; 1879. № 1233). Орфография и пунктуация приведены к современным нормам; ошибки и опiski исправлены без оговорок.

²³ РГАЛИ. Ф. 275. Оп. 1. № 109.

²⁴ См., в частности, неоднократные упоминания в мемуарах: Н. С. Лесков в воспоминаниях современников. М., 2018. С. 24, 239, 241, 362 и др.

²⁵ Там же. С. 241.

²⁶ См. подробнее: Макаревич О. В. Философия Сенеки в творческом сознании Н. С. Лескова: пометы к «Письмам Сенеки к Люцилию» (на материале изданий мемориальной библиотеки писателя в г. Орле) // Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2012. № 1–2. С. 147–150.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1

Книга для первоначального чтения.

Ч. II. Для старшего возраста и для взрослых. Издание 1-е.

Составил В. Водовозов. Ц. 80 к.

Г. Водовозов давно уже с честью подвизается на педагогическом поприще; наибольшую известность доставила ему «Книга для первоначального чтения», ч. I, появившаяся в 1871 году и распродавшаяся десятками тысяч экземпляров; по крайней мере она выдержала 10 изданий. Когда в одном из собраний Комитета грамотности¹ была присуждена г. Водовозову золотая медаль, он, глубоко тронутый, обещал посвятить всю жизнь народной школе — и сдержал слово... Все это обязывает сказать хотя несколько слов по поводу его последнего труда, составляющего продолжение первой части.

Взявши в руки эту объемистую книгу и только перелистовавши ее, вы выносите чрезвычайно приятное впечатление: видно, что это плод многих лет, усидчивого труда, кропотливой работы; пробежавши, например, этнографические статьи, вы обратите внимание, что автор сам объездил некоторые местности России и довольно живо описал свои впечатления. Наконец, вы встречаете поразительное разнообразие: то опускаетесь на дно моря, то попадаете в Великий Новгород, потом в Хабаровку, Африку и т. д. Все это сначала подкупает вас в пользу книги, вы радуетесь за народную школу, думаете — вот энциклопедия, которая ей даст все. Но потом совершенно невольно приходит на память страшно громоздкий труд полк<овника> Цирга,² который за 5 рублей обещает сделать юношу умным, поставить его на ноги и дать большие льготы в армии.³ По-видимому, ничего нет общего между г. Водовозовым и спекуляторским изданием полк. Цирга, — откуда же является это странное сближение? Долго вы от него отрешиваетесь, но, наконец, выясняются общие признаки... Дело в том, что обе книги Водовозова, и ч. I-я, и ч. II-я, составлены по одному плану, и вовсе не книги для чтения; содержание их совершенно не отвечает своему названию, они дают материал не для чтения, а для *изучения*, они — учебники. Составитель, мы думаем, увлекся ложною идеею, которая у нас проповедывалась с высоких кафедр педагогики, что «Книга для чтения» должна заменить ученику все, дать ему *все* знания, хотя бы и в элементарной форме.⁴ Практическим результатом этой догмы и являются обе книги Водовозова со всеми теми недостатками, какие можно было предсказать *a priori*. Читатель, не знакомый с техническим термином «Книга для чтения», легко себе может представить, какое должно произойти столпотворение фактов, если нагромоздить в книгу и естественную историю со всеми ее подразделениями, и географию с этнографией, и статистику с политической экономией, и историю, как русскую, так и всеобщую, — все это в кусочках, сжато, иногда даже сбито и выложено; описание преобладает над повествованием, сухость — полнотою, картинностью и увлекательностью; литература играет роль подчиненную; ее образцы только дополняют то или другое описание. Могут ли эти «кусочки» завлечь малограмотного человека, могут ли они заставить его полюбить книгу как разумную собеседницу? Мы сомневаемся. Если прототипом наших «Книг для чтения» послужили немецкие *Lesebuch*'и, то нужно помнить, что у немецких составителей на первом плане литературные цели и что окружающая природа дает только материал, а потому книга составляется из подлинников, хотя бы и в отрывках; там мы встречаем перо Андерсена, Гримма, Гумбольдта, Фогта, Лессинга, Гете, Шиллера, одним словом, всех представителей науки и литературы. Как бы хорошо ни владел пером г. Водовозов, тем не менее этнография должна выдвинуться в своих специлистах, история — в очерках своего мастера и т. д.; — тогда только книга для чтения приобретет живой интерес и тогда только она научит читать. Перелагать вся и все, это значит — обезличить вся и все, окрасить в один цвет, отлить в одну форму — отсюда скука, а в голове — хаос. Потом, идеальный народный учитель, по мнению таких честных педагогов, как г. Водовозов, тот, который все объяснит ученику, все

разжует, сблизит и обобщит отдельные факты, разбросанные в его книге; но г. Водовозов не знает, что наш хороший учитель сам учится из его книги, так как те крупницы, которые он вынес из семинарии — капля в море перед требованиями автора. Сегодня учитель хватается за ботанику, чтобы *объяснить* очередную статью, завтра — за историю и т. д., — где уж тут думать о сближении! Мы из опыта знаем, что в одной школе учитель, человек с хорошим образованием, едва был в состоянии прочитывать 80 статей из 1-й части, остальные положительно не мог переварить.

Мы не имеем возможности входить в подробности выполнения такого обширного плана, какой задуман г. Водовозовым — это дело не газетной рецензии. Мы хотели только обратить внимание на основную мысль автора и остаемся в убеждении, что для нашей школы, для нашего грамотного простолюдина, было бы гораздо полезнее издать серию элементарных учебников по различным предметам, как это делается за границей; г. Водовозов, как искусный популяризатор, мог бы исполнить это с большим успехом, по крайней мере по отношению к некоторым предметам: выиграла бы наука и выиграла школа. Какая, например, у него связь между естественными рассказами в 1 части и во 2-й ч<асти>? — Никакой. Только в «Книгу для чтения» могли попасть такие статьи, как «Русская земля на плане», «Части растения и его оплодотворение» (Часть 1-я), где, кроме голых номенклатуры, — ничего; только под этой фирмой они могли выдержат 10 изданий. Кто же не знает, что познание природы возможно только при изучении ее в стройной связи явлений, взаимодействии причин и последствий? — Знает это отлично и г. Водовозов, но он введен в заблуждение фальшивым догматом. Далее, какое учебное значение могут иметь такие карты, как Африки (Ч. II, стр. 298), Америки (стр. 504), или рисунки (стр. 557), где голова американца больше лодки с двумя гребцами? — Никакого. Эти промахи есть неизбежный результат ложного взгляда на книгу для чтения и вообще на задачу народной школы. Последняя состоит вовсе не в том, чтобы напичкать детей всевозможными знаниями, в гомеопатических дозах, а научить их читать так, чтобы они могли продолжать свое самообразование в длинные часы зимнего досуга. Отрывочные и сухие знания скоро улетучатся, а любовь к книге останется живым стимулом навсегда. Говоря выше о неизбежности таких крупных промахов в книге для чтения, мы опять думаем, что г. Водовозов не допустил бы их, если бы составил, после «Книги для чтения», что-нибудь в роде географических очерков; он наверно бы усилил и хорошо развил такой строго определенный план, при книге приложил бы, вероятно, подходящий атлас, с пропорциональными рисунками, ясными и верными картами... Могут возразить, что наша школа бедна, что она не имеет средств приобрести и книгу для чтения, и ряд популярных учебников. Действительно, наша школа бедна, но бедна прежде всего своим социальным положением: улучшится последнее, улучшатся и ее денежные средства. Все-таки эта бедность в деньгах не дает еще права кормить ее подачками с барского стола, а что книга г. Водовозова — подачка, это несомненно. Все равно бедная школа не в состоянии заплатить 80 коп. — цена баснословно дешевая, но дайте же что-нибудь цельное такой школе, которая не стесняется в средствах, а такие школы уже нарастают...

¹ Имеется в виду Санкт-Петербургский комитет грамотности, основанный в 1861 году. Среди наиболее известных его деятелей были А. Ф. Погосский, В. М. Яковлев, И. В. Вернадский, А. Ф. Петрушевский, И. И. Паульсон и др.

² Вероятно, имеется в виду издание: *Цирг Е. П.* Практическое наставление к изготовлению домашними средствами всех совершеннейших и признанных полезными в русском хозяйстве машин, орудий и снарядов. СПб., 1855.

³ При введении всеобщей воинской повинности в ходе реформ Александра II предполагались льготы для тех, кто получил образование. Закон предоставлял как отсрочку для некоторых групп учащихся, так и сокращение срока службы, вплоть до отмены ее, при получении образования определенного уровня. См., например: *Рудник С. Н.* Всесословная воинская повинность и вопросы образования в России в 1870–1890-е годы // Социология науки и технологий. 2016. Т. 7. № 2. С. 80–91.

⁴ О популярности жанра «книги для чтения» и ее достоинствах см., к примеру: «Книга для чтения в народной школе <...> должна служить основанием и центром всего обучения. Если

справедливо, что цель школы состоит не только в том, чтобы сообщить ученику те или другие знания и умения, но и дать ему *общее образование* <...>, то вопрос о книге для чтения справедливо является самым жизненным вопросом народной школы. <...> ..., книга для чтения“ в наших народных школах необходимо должна явиться в некоторой степени *энциклопедией*, дополняющею приобретение в школе необходимых сведений по тем предметам, которых в учебном курсе этих школ не полагается» (*Миропольский С. И.* К вопросу о книге для чтения в нашей народной школе (По поводу книги для чтения барона Н. А. Корфа «Наш друг». СПб., 1871 года) // Журнал Министерства народного просвещения. 1872. Т. 159. Отд. педагогики. С. 23, 24).

2

Книжки для народа

Прошлою зимою ходили упорные и вполне достоверные слухи об очень будто бы рачительных заботах некоторых лиц создать *в скором времени* совершенно новую народную литературу, с специальною целию — дать отпор тем произведениям секретной печати, которые, по слухам, распространяются в народе с намерением колебать его веру и послушание власти. Об этом было и писано в «Московских ведомостях», петербургский корреспондент которых сообщил эту новость за несомненное. И действительно, появилось 5–6 книжек в этом роде, они остались незамеченными, но на них прямо указывали как на результаты упомянутых забот. Все это были маленькие повести и рассказы, сочиненные в очень решительном направлении, но совсем без умения, которое необходимо даже для того, чтобы сплести народные лапти, а не только написать народную книгу. Главный недостаток книжечек, которые были выпущены с упомянутою целию, заключался, впрочем, по нашему мнению, в их чересчур прямолинейном направлении, через что зло, против которого они назначались, как бы обострялось.¹ Подобные книжечки, в изобилии выходящие за границу (особенно в Германии), издаются там гораздо ловчее, и мы, слушая про наши домашние хлопоты с этим делом, часто недоумевали: почему озабоченные таким издательством люди не хотят просто взять и приспособить для русского читателя брошюры иностранцев, далеко более нас опытных в борьбе с социалистическою пропагандою, которая на Западе известна не со вчерашнего дня и имеет там несравненно более удобную почву. Из всех мнений о книгах, которые у нас задумывались и предлагались, нам целесообразнее многих казалось издание небольшой, но очень толково изложенной книжечки Гопкинса «О народном хозяйстве», некогда изданной у нас в переводе М. Н. Вернадской.² Правда, там ничего не говорилось об агитаторах и о том, что с ними делать; но зато там очень просто и толково развивалось понятие о необходимости разных экономических мероприятий в государственном хозяйстве, что, по нашему мнению, весьма пригодно для русских людей, имеющих обо всем этом самые примитивные понятия, обыкновенно не выдерживающие смелых натисков противу-экономической критики. А этому-то по преимуществу и стремится служить секретная печать социалистического направления, об успехах которой в народе мы, впрочем, судить не можем, потому что ничего об этом не знаем. Мысль о книжке Гопкинса, однако, была отстранена, как не соответствующая острому характеру нынешних обстоятельств и замещена другою; нам достоверно известно, что уже изготовлена и в скором времени должна выйти в свет довольно замечательная народная книжечка в библейском духе. Она почти целиком составлена из подбора библейского текста, словами которого трактует о праве и власти правительства и о подданных обязанностях народа. Прототипом для этой новой книжки послужило сочинение Боссюэта, переведенное и напечатанное у нас в 1802 году по Высочайшему повелению. В предисловии к сочинению Боссюэта было выражено такое преимущество этого сочинения: что в этой книге рассуждает с читателем не литератор и не государственный человек, а «также глаголет Господь». В русском издании (императорской типографии в Петербурге) упомянутое сочинение, составляющее, впрочем, нынче большую библиографическую редкость, было озаглавлено: «Политика из слов священного писания, почерпнутая И. Б. Боссюэтом».³ По содержанию она представляет конспект библейского

учения о государственном праве и подданническом долге, составляющих в общей связи благо народное; все это сведено искусною рукою Боссюэта очень умно, и книга, конечно, может служить полезным чтением для народа, особенно в виду того рокового обстоятельства, что у нас в теперешней поре в значительном числе народных школ закон божий вовсе не преподается.⁴ Это может быть очень на руку анархистам, для их излюбленных целей. Но не маловажный, конечно, вопрос представляет и то, какие меры будут приняты к широкому распространению книг для народа.

¹ Отчасти пояснить, дополнить и прокомментировать эти размышления автора заметки «Книжки для народа» позволяют сопоставление с мнением Лескова и фактами, указанными им в докладе на заседании особого отдела ученого комитета по поводу ходатайства издателя газеты «Народный листок» о распространении этого издания «через епархиальных архиереев, благочинных, попечителей учебных округов, директоров и инспекторов народных училищ»: «...коммунистические толки о разделе имущества поровну и об уничтожении или изводе людей достаточных проводятся теперь агитаторами в народе отнюдь не в такой простодушной проповеди коммунизма <так!>, как это представлено в „Листке“. Дело это ведется гораздо тоньше и осторожнее. Сколько известно, из книжечек этого сорта иные составлены очень хитро, вкрадчиво и осмотрительно: или самым радикальным образом подрывается авторитет церкви, причем не выражается никакой иной революционной мысли; а ныне царствующему Императору высказывается даже самая пламенная благодарность, верноподданническая преданность и сыновняя любовь. Такова, например, книжка, напечатанная в 1865 году в Женеве под заглавием „Вероисповедание духовных христиан“, где на X стр. с большою теплотою и искренностью исчислены благоденствия Императора Александра II и тут же говорится о повиновении властям и правителям; но в результате митрополит киевский Арсений в прошлом году писал в „Трудах Киевской духовной академии“, что крестьяне этого толка вопрошали его: „неужто и Закревский был от Бога“. И мне известно, как это установление властей от Бога низводится до шутовства, спрашивают „неужто и Гоголевский городничий был от Бога и от него же наш квартальный“. В других же книгах, применяясь к русским народным понятиям, проводятся так называемые экономические взгляды Лассалля — писателя недюжинного, борьба с которым далеко не так проста и легка, чтобы для нее годился всякий, самоуверенно считающий такую борьбу для себя по силам. Это отнюдь не требование извода имущественных людей и раздача всего поровну: а это в многообразных видах усилия раскрыть народу механизм финансовых государственных операций и показать бесхозяйство и непроизводительность многих затрат, устремить на это внимание народа, а также освободить народный капитал от произвола распорядителей и вызвать со стороны рабочих оппозицию и правительству, и хозяевам. Некоторые из книг этого сорта проникнуты, по-видимому, такою законностью и умеренностью всего в них развиваемого, что в них как будто ничего насильственного и не рекомендуется...» (РГИА. Ф. 734. Оп. 3. № 31. Л. 96–97).

² Речь идет об издании: *Марсет Д. Х.* Понятия Гопкинса о народном хозяйстве / Пер. с англ. В. Вернадская М. Н. >. М., 1856. Книгу Гопкинса и ее «полудетский перевод» М. Н. Вернадской Лесков упоминал также в докладе, прочитанном в особом отделе ученого комитета 27 июня 1878 года, о книге: *Зеленый остров*. Рассказ о том, что такое деньги, торговля и труд / Изд. журнала «Воспитание и обучение». СПб., 1878 (РГИА. Ф. 734. Оп. 3. № 35. Л. 305–308).

³ Боссюэ Жак-Бенинь (Bossuet, 1627–1704) — французский епископ, проповедник, писатель; руководил изданием «Ad usum Delphini» — учебной библиотеки греческой и латинской классики, предназначенной для воспитания сына Людовика XIV. Речь идет об издании: *Политика из самых слов Священного Писания, почерпнутая Иаковом Бенигном Боссюэтом*. СПб., 1802; высокая оценка которого встречается у Лескова неоднократно. Приведем весьма близкое высказывание, также из доклада Лескова в особом отделе ученого комитета, посвященного «книжке для народного чтения» «Святость царского имени» (Составил Иван Савченков, крестьянин с. Соловьевки, Радомысльского уезда, Киевской губернии. СПб., 1880): «...в этом роде у нас еще со времен императора Александра Первого есть очень полная и мастерски составленная книга. Она называется „Политика, из самых слов священного Писания, почерпнутая Иаковом Бенигном Боссюэтом. Напечатана по Высочайшему повелению в С<анкт>-Петербург в 1802 году, в Императорской типографии“ и посвящена усопшему Государю Александру Павловичу. В ней богоучрежденный порядок единодержавия выведен из Св. Писания обстоятельно и всесторонне, с глубоким знанием дела и с политическим тактом, которым был одарен французский придворный проповедник, справедливо почитаемый в своем роде „образцовым“. В целях доказать „святость царского имени“ и божественное происхождение единодержавной власти искать лучшего нечего, да и не нужно» (РГИА. Ф. 734. Оп. 3. № 39. Л. 680–721).

⁴ Нехватка учителей закона Божия в народных школах привела к дискуссиям о возможности допустить к его преподаванию светских лиц, чему воспротивилась церковь. Известно, что Лесков посвятил этому вопросу доклад на заседании ученого комитета Министерства народного

просвещения, впоследствии изданный в типографии Суворина: [Лесков Н. С.]. О преподавании закона Божия в народных школах: Выписка из «Журнала особого отдела ученого комитета Министрства народного просвещения» 4 дек<абря> (1879 г. № 387). СПб., 1880. Заметим также, что вопросу дозволения не церковнослужителям преподавать этот предмет был посвящен ряд материалов «Нового времени» на протяжении 1879 года, причем в качестве аргумента приводилась невозможность для сельского священника совмещать и обязанности, связанные с исполнением треб, и преподавание в народной школе.

3

**Энциклопедия ума или словарь
избранных мыслей авторов всех народов и всех веков.
Составил по французским источникам и перевел Н. Макаров. СПб. 1878 г.**

Вышедшая на днях книга г. Макарова представляет попытку собрать разбросанные в бесчисленных томах перлы человеческого ума и остроумия. В книге содержится 8000 мыслей, выбранных из разных авторов всех времен и народов, с указанием, кому принадлежит та или другая мысль. Цель, которую составитель книги поставил своей «Энциклопедии», это служить пособием для людей образованных при недостатке огромной памяти и широкой начитанности, которые так редко встречаются в одном лице. И этой цели книга отвечает в значительной степени. Читатель найдет в ней мыслей <так!> знаменитых людей по весьма многим предметам, расположенным в алфавитном порядке. По некоторым предметам собрано множество таких мыслей. Например, под словом *несчастие* цитировано 44 мысли, под словом *жизнь* — 49, *дружба* — 42, *закон* — 61, *народ* — 63, *женщина* — 213 и т. д. Эти цитаты представляют бесконечное разнообразие идей, понятий, воззрений, часто противоречивых, взаимно отрицающих одно другое. Но, конечно, иначе и быть не могло при сборании мысли около 1000 различных авторов. Вот несколько образчиков таких противоречивых мыслей по одному и тому же предмету. *Свобода*. «Без свободы — спокойствие не жизнь; это — общественная смерть, это тишина могилы» (мысль принадлежит Bignon). О том же — выражение Balza<c>'a: «Свобода, данная развращенному народу — это девственница, преданная развратникам». Берем слово *женщина*: «Без женщины заря и вечер жизни были бы беспомощны, а ее полдень без радостей» (Boiste), а вот и другое нечто: «Большая часть женщин суть: павы на гулянье, ворчуньи дома и голубки на свиданьях наедине» (D<u>fresny)¹ и т. д. Эти же образчики дают некоторое понятие и о содержании словаря. Весьма пригодный для справок, он вместе может служить и приятным чтением, и мы не затрудняемся предсказать ему большой успех.

¹ Биньон Луи Пьер Эдуар (Bignon; 1771–1841) — французский историк и публицист. Цитата приводится по изд.: *Bignon M. Les cabinets et les peuples, depuis 1815 jusqu'à la fin de 1822.* Paris, 1823. P. 359. Буаст Пьер-Клод-Виктор (Boiste; 1765–1824) — французский поэт, лексикограф. Цит. по изд.: *Boiste P.-C.-V. Dictionnaire universel de la langue française, avec le latin et l'étymologie, extrait comparatif, concordance, critique et supplément de tous les dictionnaires français; Manuel encyclopédique de grammaire, d'orthographe, de vieux langage et de néologie...* Paris, 1857. P. 311. Источники цитат из О. де Бальзака и французского журналиста и драматурга Шарля Дюфресни (Dufresny; 1648–1724) неизвестны.

4

**«Homo sum», Roman von Georg Ebers
(«Я человек», роман Г. Эберса)**

Этот новый роман Эберса, появившийся в Германии в декабре прошлого года¹ и недавно вышедший уже третьим изданием, менее интересен, чем другие романы

того же автора «Дочь царя египетского» и «Уарда».² Сюжет «Homo sum» основан на действительном факте, отысканном Эберсом в одном сочинении из первых времен христианства. Действие романа происходит в четвертом веке, на Синайском полуострове; идея его та, что как бы человек ни умерщвлял свою плоть, он не может вполне отрешиться от своей природы. Эту идею Эберс воплотил в лице своего героя, отшельника Павла, который, приняв христианство, удаляется в пустыню, живет в пещере, подвергает себя всевозможным лишениям и, наконец, принимает на себя чужую вину ради спасения другого отшельника. За это его бьют плетью, оскорбляют и даже исключают из общины. Но Павел переносит все с христианским смирением, и только когда судьба сталкивает его с женщиной, ради которой он невинно пострадал, он начинает сознавать, что в нем человек не умер. Однако ему удается с величайшими усилиями победить себя; но его натура не выдерживает этого последнего испытания, и он умирает. Перед смертью, стоя на коленях <так!> перед распятием, он начертал углем на стене: «Молитесь за меня, бедного; я был человеком».

Весь драматизм сюжета «Homo sum» лежит во внутреннем процессе, совершающемся в душе Павла, и, может быть, поэтому роман страдает отсутствием внешнего интереса.

¹ Ebers G. Homo sum. Roman. Stuttgart; Leipzig, 1878.

² Названные романы представляют собой первые книги «египетского цикла», который сделал Эберса, наряду с Ф. Даном, одним из известнейших представителей «профессорского романа» (материал для этих текстов авторы черпали в своей научной работе). Роман «Дочь царя египетского» («Дочь фараона», «Eine ägyptische Königstochter») вышел в 1864 году; первый русский перевод печатался в «Отечественных записках» в 1873-м. «Уарда» («Uarda», 1877) — вторая часть цикла, «Homo sum» (1878) — третья.

5

Гастон Буасье. Римская религия от Августа до Антонинов Перевод М. Корсак. Издание К. Солдатенкова. М. 1878

Сочинение Буасье «Римская религия» представляет исследование развития римского общества, литературы и философии в период от воцарения Августа до Марка Аврелия включительно. Оно имеет целью выяснить отношения между язычеством и христианством в течение двух первых веков, т. е. до того времени, когда апологисты открыто выступили с защитой христианства. Г. Буасье высказывает мнение, что реформы в римской религии, последовавшие уже в первом веке христианской эры за эпохой полного ее упадка, вследствие громадных политических вопросов, занимавших весь Рим в первом столетии до Р. Х., и перемена легкомысленного и насмешливого отношения к ней римского общества времен Цицерона на средневековую набожность времен Марка Аврелия (ум. 180 г.) произошли не под влиянием христианского учения, исповедников которого увидели в Риме при Нероне, но явились результатом самостоятельного хода культурного развития римского общества того времени. Уже Август принялся реформировать римскую религию; но при нем общество еще не начинало так сильно заниматься религиозными вопросами. Однако богобоязнь возросла около половины первого столетия настолько, что уже Нерон не осмелился войти в храм Весты после убийства своей матери. Около этого же времени Сенека-философ стал проповедывать любовь и милосердие к ближним, даже рабам. (Г. Буасье не признает доказанным личное знакомство Сенеки с св. Павлом). Траян начал устраивать «питательные учреждения» для бедных детей. Богатые начали помогать неимущим не из тщеславных целей, но «как человек человеку» (*ut homo homini*). Более образованное общество не находило в своей смешанной религии ответа на волновавший его вопрос: есть ли единое высшее существо, или существует много богов. Философы распались на много школ, споривших между собою, причем стойки учили, что Бог един, но имеют разные имена, смотря по тому, в чем проявляется; они принимали все легенды, но

объясняли их аллегорически; платоники признавали, что Бог един, посредниками же между ним и людьми являются «демоны» разных названий; последователи же Эвгемера не признавали легенд о богах, говоря, что Юпитер, Сатурн и т. д. были цари на земле, о которых сохранились рассказы. Таким образом общество колебалось между суеверием, вкоренившимся в простом народе, и философскими школами. Тем с большею радостью приняло оно христианское учение, предложенное ему готовым, твердым и цельным и удовлетворительно разрешавшее все мучившие его тогда религиозные вопросы. «Философия поставила величайшие задачи и не разрешила их; религия возбудила умы, но не удовлетворила их». По словам Пруденция, «Христос мог придти, ибо пути Ему были уготованы». Объем книги позволил автору коснуться многих вопросов, имеющих отношение к его теме; так он подробно рассматривает положение женщины в Риме, утверждая, что несмотря на законы, весьма ограничивавшие ее права, она в силу обычая еще до Р. Х. уже пользовалась в Риме образованием и большой свободой; доказывает относительную сносность положения рабов, отрицая, чтобы кто-нибудь в древности требовал уничтожения рабства; наконец, подробно разбирает «похоронные коллегии» и другие ассоциации римских граждан, признавая ассоциации солдат наиболее близкими к нашим благотворительным обществам.

Перевод книги очень хорош, и она легко читается и не специалистами.

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-4-207-213

© В. Н. Быстров

А. А. БЛОК И ВЛ. В. ГИППИУС: ЗАВЕРШЕНИЕ ОДНОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ ПОЛЕМИКИ

Хронология стихотворного диалога двух поэтов четко прослежена в мемуарах Владимира Гиппиуса «О Блоке, что помню», опубликованных в 2003 году А. М. Грачевой и О. А. Линдеберг. Следует отметить, что во вступительной статье к публикации затронуты существенные моменты этого обмена посланиями.¹

Предваряя содержание диалога, необходимо обратить внимание на то, что Вл. Гиппиус изначально выступал в статусе своего рода духовного наставника, учителя. Не случайно Зинаида Гиппиус в посвященном ему стихотворении «Псалмопевцу» (1912) писала: «О тайнах подземных и звездных / Поешь ты в пустынной тиши...».² Поэт ощущал себя обладателем неких сокровенных истин, едва ли не провидцем и пророком. В одном из стихотворений неопубликованного сборника «Затмения звезд» он, в частности, утверждал: «Срываю медленно туман судьбы / И вижу всё, что непременно будет... <...> Предсказывать — всё знать, всё знать заранее — / О, Боже мой, какая тягота! <...> Открылась мне великая бескрайность; / Теперь ясна мне дней необычайность...»³

Как известно, исходным импульсом для Вл. Гиппиуса послужило стихотворение Блока «Всё на земле умрет — и мать, и младость...», написанное в 1909 году: «Как-то весной (1912), — вспоминал он, — я послал ему (Блоку. — В. Б.) свое возражение

¹ Гиппиус Вл. В. О Блоке, что помню / Предисловие, публ. и комм. А. М. Грачевой и О. А. Линдеберг // Писатели символистского круга. Новые материалы. СПб., 2003. С. 48–51. См. также: Блок в поэзии его современников / Вступ. статья и публ. Ю. М. Гельперина // Лит. наследство. 1982. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования: В 5 кн. Кн. 3. С. 542–543, 553–554.

² Цит. по: Гиппиус З. Н. Сочинения. Стихотворения. Проза / Вступ. статья, сост., подг. текста и комм. К. М. Азадовского, А. В. Лаврова. Л., 1991. С. 171.

³ ИРЛИ. Ф. 79 (Р. В. Иванов-Разумник). Оп. 4. Ед. хр. 8. Л. 6, 7.